

Волк, которого мы кормим

Игорь Чичинов

Игорь Владимирович Чичинов

Волк, которого мы кормим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70185376

SelfPub; 2023

Аннотация

Чего в любом из нас больше – доброго или злого, любви или ненависти, готовности пожертвовать собой ради близкого человека или желания выжить в сложной ситуации любой ценой, встав на плечи другому и утопив его? Старый индеец открыл своему маленькому внуку одну жизненную истину. В каждом человеке, сказал старик, идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один из них представляет зло – зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь... Другой волк – это добро: мир, любовь, надежда, истина, доброта, верность. Внук спросил деда: «А какой волк в конце побеждает?» Старый индеец улыбнулся и ответил: «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь». Какого волка ты кормишь, человек?..

Игорь Чичинов

Волк, которого мы кормим

Пьеса в шести действиях-миниатюрах

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действующие лица:

Белый – олицетворение добра.

Чёрный – олицетворение зла.

Эти два действующих лица появляются на сцене на протяжении всей пьесы, остальные – в отдельных миниатюрах.

Сцена пуста. Задник сцены представляет собой большой, во всю площадь сценического пространства, экран. В полной темноте и тишине на нём появляется изображение ядерного взрыва (документальная съёмка). С ростом ядерного «гриба» увеличивается звук взрыва – сначала это отдалённый рокот, потом – оглушающий грохот. Звук затихает. На экране Хиросима, последствия взрыва.

Из-за кулис, с двух разных сторон, на сцену выходят Белый и Чёрный. Первый во всём белом, второй – в чёрном. На Белом сорочка навывпуск, с отложным воротником, брюки, лёгкие туфли. Чёрный одет в рубашку с воротником-стойкой и погончиками, она заправлена в джинсы с широким ремнём, на ногах сапоги-казаки с цепочкой; у него чёрные аккуратные усики и шкиперская бородка. Некоторое время они,

стоя в разных концах сцены, смотрят на ядерный «гриб»: Чёрный – руки в карманах, Белый – скрестив руки на груди.

Чёрный(подходит к Белому). Ну, как тебе мой ход? Сильно?

В центре сцены, наверху, высвечиваются большие весы (как у Фемиды), у которых одна чаша белая, другая – чёрная. Чёрная чаша со специфическим звуком опускается, перевешивая белую.

Белый. Да, но ведь после Хиросимы и Нагасаки люди уже много лет не убивают друг друга таким способом. Они научились использовать ядерную реакцию в мирных целях, во благо себе.

Весы медленно выравниваются.

Чёрный. Просто до людей дошло, что это равносильно самоубийству. Сработал инстинкт самосохранения. Пока сработал. Но, погоди, ещё появится там, у них, какой-нибудь политический вождишко, который не удержится и нажмёт-таки на ядерную кнопку. Вот увидишь. Больно уж велико искушение. Однако, обрати внимание: даже если пока исключить ядерный коллапс, воевать-то люди не перестали. И, думаю, никогда не перестанут.

Смотрят на экран. Там появляются узнаваемые документальные кадры: Первая, Вторая мировые войны, война американцев во Вьетнаме, война советских войск в Афганистане, Чечня, Югославия, Ирак, Сирия.

Ты знаешь, сколько лет они жили без войн? За всю историю, начиная с 3500 года до начала их эры и вплоть до XXI века, человечество просуществовало без военных конфликтов, только 292 года. А за пятьдесят лет после окончания Второй мировой войны у них было – не поверишь – всего двадцать шесть мирных дней. Целых человеческих полвека – и три с небольшим недели мирного существования! Каково?

Белый. Был у них такой философ, Платон. Он утверждал, что «война – это естественное состояние народов».

Черный. Вот-вот! А это значит, что сильнее всего в их мире Смерть. И зло всегда берёт верх над добром. Смотри!

На экране кадры: дети с вздувшимися от голода животами, взрослые, копающиеся на помойках в поисках еды, умершие и лежащие прямо на дороге нищие.

На Земле недоедают больше 820 миллионов человек. И каждый год голодающих прибавляется по 15-17 миллионов. От истощения страдают больше 50 миллионов человеческих детей до пяти лет.

И при этом, знаешь, во сколько человеку обходится, к примеру, создание только одного тяжелого стратегического бомбардировщика B-2 Spirit? В миллиард с лишним долларов! А сколько всего вооружения производится ежегодно на Земле...

На экране: военные корабли, военные учения, стрельба пушек, выброска десанта, запуск ракеты.

Знаешь, Белый, по сути, человечество – это сообщество живых тварей, в программу которых одновременно заложены две взаимоисключающие задачи: воспроизводиться и уничтожать себе подобных.

Белый. А, по-моему, здесь нет никакого противоречия. Люди уничтожают себе подобных для того, чтобы устранить препятствия к собственному воспроизводству.

Чёрный (*нервно ходит по сцене*). Боюсь, ты путаешь людей с животными. Это звери убивают других зверей, чтобы дать жизнь своему потомству. Люди же далеко не всегда используют убийство именно в этих целях.

Белый. Да, но не забывай: по условиям Большого Эксперимента, им нельзя не убивать. Равно, как нельзя не красть, не обманывать, не прелюбодействовать. В общем, нельзя жить безгрешно – конечно, в их, человеческом, понимании греха. Потому что, если убрать из условия Эксперимента «минус», не останется никакого смысла в «плюсе» – он попросту станет невидимым. Стоит только добру стать нормой, оно перестанет быть добром. Их, людской, благодетели постоянно нужен контраст, пример с противоположным знаком, чтобы она оставалась таковою.

Чёрный. Значит, без меня никак, я им нужен!

Белый. Да. И ты тоже.

Чёрный. Ладно, идём, пора продолжить партию.

Оба идут в угол сцены, ближе к зрителям. Здесь стоит журнальный столик и два кресла – белое и чёрное. Каждый

*усаживается в своё – соответственно цвету. На столике шахматы. Они необычны: досок с фигурами много, они, при-
мыкая друг к другу, образуют большой, плавно вращающийся
в воздухе шар. Черный и Белый поочередно делают ходы
на разных досках. Это напоминает сеанс одновременной иг-
ры, только играют лишь двое, а досок – множество.*

*В левом верхнем углу сцены большие круглые часы. Вме-
сто цифр – одиннадцать светящихся вопросительных зна-
ков и один восклицательный. Когда стрелка передвигается к
очередному знаку (это передвижение происходит через каж-
дую секунду), он из вопросительного превращается в воскли-
цательный, как только стрелка двигается дальше, вопро-
сительный знак восстанавливается. Каждое перемещение
стрелок сопровождается громким отчетливым звуком, по-
хожим на звук метронома. Часы, как и звук метронома, бу-
дут появляться время от времени, подсвечиваясь прожек-
тором. Когда в них нет надобности, они исчезают в темно-
те.*

Ваш ход, коллега.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Действующие лица:

Олег, 35 лет, обычный житель глубинки России.

Светлана, его жена, 28 лет.

Мать – старушка 70 лет, мать Олега.

Простая, скромно обставленная городская квартира.

Кухня, за столом сидит Олег, он в домашнем халате, читает газету. Светлана накрывает на стол. Она на седьмом месяце беременности.

Олег. А мать-то где?

Светлана. В магазин пошла, за хлебом.

Олег (*недовольно*). Меня не могла попросить? Гоняешь старуху...

Светлана. Ничего, двигаться полезно. Что ж ей, так и сидеть в четырёх стенах? Да она и сама не против помочь по хозяйству.

После паузы, гремя ложками.

Олег, давай всё-таки вернёмся к тому вопросу. Рожать ведь мне скоро.

Олег. Ну да... (*откладывает газету*). Это понятно. Свет, поверь: всю голову уже сломал, но не знаю, что тут можно сделать. Какие варианты? Ну, будь я миллионером, купил бы ей где-нибудь поближе «однушку», и жили бы себе по соседству, я б её проведывал. А так...

С левой стороны сцены тихо открывается входная дверь, входит Мать. В стареньком плаще, в руках пакет с продуктами. Снимает плащ, вешает в шкаф, стоит в прихожей, прислушивается к разговору. Олег со Светланой не видят её.

Светлана. Да, ты правильно поступил, что её сюда перевёз из деревни, когда твой отец умер. И что машину после продажи дома купили – удачно получилось. Но сейчас, видишь, как ситуация складывается. Тесно нам будет, Олег. И малы-

шу больше свежего воздуха надо.

Олег. Ты опять про Дом престарелых? Но, Свет, я ж тебе уже объяснял: никто не позволит определить туда пожилого человека при живом сыне. Не положено это по закону.

Светлана. Ты послушай. Я тут недавно встретила Маринку Ардашеву – помнишь её? – у неё похожая ситуация с мамой. Так ей умные люди подсказали, как быть.

Мать тихо сидит в прихожей на стуле, низко склонив голову.

Она перевезла свою мать в съёмную квартиру, а через какое-то время та написала заявление – мол, возьмите меня в стардом, так как дочка не ухаживает за мной и, вообще, даже не появляется у меня. Пришли соцработники, посмотрели – а Маринка специально в той квартире грязь развела, беспорядок – и благополучно забрали старушку. Так теперь Маринка не нарадуется.

Олег. Кошмар какой...

Светлана. Да чудак ты человек! Во-первых, ей там лучше. Там, знаешь, какие прекрасные условия проживания: и кормят хорошо, и всё чистенькое, и уход прекрасный, и, если что, медицинскую помощь прямо на месте оказывают. А, во-вторых... Ты уж прости, Олег, но... мама пожила своё. Теперь нам, молодым, надо жить. Да и веселей ей там будет: кругом такие же старики-старушки, есть с кем поговорить.

Пауза. Олег встаёт, подходит к окну, задумчиво смотрит на улицу.

Олег. Ну, не знаю... Понимаешь, нехорошо всё это как-то. Мерзко!

На кухню входит Мать.

Мать. На-ка, вот, Светочка, прими пакет. Небось, заждались меня с хлебом-то. Уж простите, старую, ноги-то не те уже, не молодые. Ну, давайте обедать.

Садятся за стол. Едят.

Сынок, ты знаешь, кого я сейчас в магазине-то встретила? Марию Степановну – ну, помнишь, тётя Маша, с того конца нашей улицы третий дом у них был. Корова у ней ещё одно-рогая была, Ночка.

Олег. Ну, помню. Бойкая такая старушка.

Мать. Вот-вот, она самая. Так ты, может, не знаешь – мы ж с ней землячки, обе из-под Костромы, с одной деревни. Она недавно побывала там. Ничего, говорит, живут люди, не разъехались ещё по городам.

Пауза.

Да! И привет она мне оттуда привезла. От кого, знаешь? От моей родной тётки – от тёти Гали, это моей мамы младшая сестра.

Олег. О как! А я думал, у нас с тобой не осталось уже родни.

Мать. Да-да, жива тётка-то. А я, чурка такая бесчувственная, даже не писала ей. Хорошая ведь она – помню, за мной, маленькой, ходила. И маме всегда помогала. Только, Степановна говорит, хворая она там, тётя Галя. Тяжко ей одной-то.

Олег (*откладывает ложку*). Это ты, мать, к чему?

Мать. А к тому клоню, сынок, что поехать туда хочу. Грех это – пожилого человека в болести одного оставлять. Не похристиански это. Да и не чужая ведь она мне.

Олег. Ну, мать, ты даешь: куда тебе в глушь-то ехать? Ведь я саму тебя только из деревни перевёз, а ты опять туда хочешь. Да ещё куда-то под Кострому. Не молодая ты уже по глухумани-то шастать. А?

Мать. А ничего, сынок, ничего, я ещё, слава Богу, в силах пока. На печи лежнем не лежу, двигаюсь помаленьку. Мы вот как сделаем. Ты меня туда отправь – ничего, сама доеду, не заблужусь – я у тётки Гали поживу сколько-то, а потом и вернусь. У неё там домик хоть и невелик, а вдвоём не тесно будет. Пенсий наших нам хватит, это ты не беспокойся, много ли старухам надо. Сынок, ты уразумей: мне бы хоть доходить, за ней, за тёткой-то... А потом, глядишь, и обратно к вам вернусь.

Олег. Ну... даже не знаю.

Мать. И знать нечего. Покупай мне билет на поезд, да и дело с концом. А как внучкámне родите, я приеду посмотреть на него. (*Улыбается*) Обязательно приеду. Очень уж хочется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.